

Международная конференция “Литургические гимны византийского обряда у славян в древнейшую историческую эпоху”

7–10 июня 2005 г. в Бонне (Германия) состоялась конференция “Литургические гимны византийского обряда у славян в древнейшую историческую эпоху”. Конференция проходила при спонсорской поддержке Фонда Фрица Тиссена (Fritz Thyssen Stiftung), под патронажем ректора Боннского университета Маттиаса Винингера и была организована Боннской рабочей группой Патристической комиссии Академии наук Земли Северный Рейн – Вестфалия.

В конференции приняли участие ученые из России, Болгарии, Германии, Италии, Литвы, Словакии, Сербии и Украины.

Среди докладов некоторые были посвящены музыковедческой и чисто исторической проблематике, но большинство выступивших исследовали филологические вопросы. Ниже самым кратким образом излагается (по цифровой фонозаписи) содержание докладов в

порядке их произнесения. К сожалению, не все доклады и не всю дискуссию удалось записать.

Р. Штихель (Германия) в своем докладе изложил историю византийского литургического творчества от эпохи его возникновения до момента подключения к нему славянских книжников. Р. Штихель выделил четыре основных этапа развития гимнографии у греков: 1) этап, который можно обозначить как *ψαλμός* (когда любой экстатичный верующий воспринимал себя как известный музыкальный инструмент [*псалтырь*], движимый Св. Духом, что отчасти привело к богословским издержкам); 2) этап *ὑμολογῆ* (“прислушивания”), когда свободное творчество было запрещено (15-м правилом Лаодикийского собора [середина IV в.]) и гимнотворцами стали только клирики (“поющие по книге”), а община мирян участвовала в богослужебном пении, имея право лишь вторить (посредством рефрена); 3) этап *“ἐν ταῖς ἀνύλαις σου, Ἱερουσαλήμ”*

(“Во двѣрех твоих, Иерусалиме” [Пс 121:2]), когда центр гимнографического творчества оказался в Иерусалиме (так что топонимы в песнопениях следует понимать не символически, а буквально); наконец, 4) этап *λογική λατρεία* (“словесной службы”), когда поначалу сочинялись преимущественно прозаические, хотя и ритмизированные гимны (Kunstprosa), но затем проявились и произведения с внешними признаками поэзии. В славянской гимнографической книжности сохранились формы, которые древнее сохранившихся византийских, так что изучение древнего славянского богослужения весьма значимо и для византистов.

Доклад А.М. Пентковского (Россия) (“Славянское богослужение и славянская гимнография византийского обряда в X веке”) был посвящен развитию богослужения в Византии в эпоху по завершению иконоборческих споров. Докладчик подчеркнул значение двух гимнографических центров империи – восточного (в Константинополе) и западного (в Солуни). В первом сложился тип богослужения, известный как *ᾠσμητικὴ ἀκολουθία* (“песенное последование”). Два аналогичных литургических центра сложились и в Болгарии – восточный (Плиска, Преслав), примыкавший к Константинопольской традиции, и западный (Охрид), тяготевший к традиции Солуни. В частности, праздничные блаженны на литургии (составляющие специфику уникального архаичного богослужебного сборника – Ильиной книги¹), возникшие в Палестине, перешли к славянам именно из Солуни. А.М. Пентковский остановился также на оригинальном славянском гимнографическом творчестве, в том числе и на парафразировании греческих канонов. Выступивший в дискуссии по докладу К. Попов (Болгария) сделал важное уточнение, подчеркнув, что Триодь, возникавшая под пером Константина Преславского, была создана не позже, чем через год после прихода учеников Кирилла и Мефодия в Болгарию.

Е.В. Уханова (Россия) прочитала доклад “Славянское богослужение на Руси XI–XIII вв. – вопрос устава Феодора Студита в русской редакции”.

К. Ханник (Германия), доклад которого был преимущественно посвящен анализу знаменной нотации, принятый у славян, сделал несколько замечаний, существенных и для филологии. Так, он исследовал соотношение тона и слова в славянских богослужебных гимнах. Докладчик подверг критике попытки ряда языковедов, в том числе именитых, усматривать по-

этические признаки славянских переводов с греческого в якобы сознательно соблюдаемой переводчиками изотонии и изосиллабии. Хитроумные реконструкции, позволяющие увидеть эти признаки, нередко представляют собой натяжки; параллелизм между греческим и славянским текстами усматривается там, где его нет по природе. Следует, напротив, ориентироваться не на количество слогов и ударений, а на адаптационную изохронию, когда разные по протяженности стихотворные строки мензурально выравниваются в пении. На вопрос (в дискуссии), известен ли ему экфонетический способ прочтения богослужебных текстов (в отличие от песенно-мелизматического), докладчик ответил, что если в самогласных стихирах встречаются цитаты из Евангелия или Апостола (“так говорит Господь”), то тогда эти фрагменты исполняются экфонетически. Чистой экфонетической нотации в славянской гимнографии К. Ханник не знает. Соответственно см. ниже позицию по этому вопросу автора настоящих строк.

Г.В. Алексеева (Россия)² в докладе “Силлабо-тоническая организация византийских и русских песнопений как фактор национальной рефлексии” показала, среди прочего, зависимость формул каденции от ударений. По ее мнению, просодические знаки стали основой сначала экфонетической, а затем и певческой нотации.

Ю. Ясинский (Украина) прочитал доклад “Музыкальностилевые особенности двух канонов на Рождество Христово (по украино-белорусским спискам XVII в.)”.

Е.М. Вережгин (Россия) в своем докладе рассмотрел наименьшие ритмико-смысловые единицы в греко-славянской гимнографии. Был изучен Крестовоздвиженский канон Ильиной книги – единственный, который не вмирован от начала до конца. В итоге анализа было высказано предположение, что перед нами не мелизматическая, а экфонетическая нотация (состоящая по преимуществу из знамен *статий* и *стопиц*), которая (в сочетании со срединными точками) позволяет ясно видеть границы строк-стихов, а эти последние при чтении мерной погласицей оказываются изохронными. В таком случае членить гимнографические тексты следует не по (ударным и безударным) слогам и не по словам, как поступали до сих пор, а по тактогруппам (обычно из двух-трех тактов). Тактогруппа и составляет стих-строку, причем в ней есть как инициальная, так и кодовая части. Кодовая часть может иметь, в

¹ См. издание [Ильина книга 2005].

² Г.В. Алексеева не приехала, но ее доклад был прочитан.

зависимости от количества стопиц в предыдущей строке, больше или меньше знаков замедления темпа, чем и обеспечивается изохронная итеративность (подравнивание) строк. Говорилось также о роли тактогрупп при эмендации (мотивированном исправлении [на основании греческого оригинала]) испорченных (некогерентных) гимнографических текстов.

Э.В. Шульгина (Россия) рассмотрела “Палеографию древних литургических рукописей (Собрания Новгородских Софийских миней)”. Докладчица выявила работу трех писцов и, оптимально используя возможности демонстрационной техники, наглядно представила особенности почерка каждого из них.

В. Томеллери (Италия) в докладе “Отношения зависимости славянских минейных рукописей. Предварительные результаты” рассмотрел источники (их всего пять), которые вошли в известное германо-российское многотомное издание Декабрьской минеи. Достояническое расположение гимнографического материала (последование дня начинается канон, а затем помещаются стихиры и седальны) ученый противопоставил студийскому (когда канон, напротив, помещается в конце). В. Томиллери обстоятельно исследовал два типа ошибок переписчиков – такие, которые объединяют рукописи между собой, и такие, которые их разделяют (Binde- und Trennfehler). Отсюда докладчик пришел к выводу, что исследовать следует не один отдельный список, а текст редакции (на основе многих списков, в том числе и поздних); он сформулировал правило: “текст важнее рукописи”. Поздние списки (например, XIV в.) способны сохранять более древнюю традицию, чем рукописи XI–XII вв. Говорилось также и об эмендации испорченного славянского текста, даже если ни один из списков не содержит правильного чтения. В заключение В. Томиллери обосновал тезис, согласно которому повседневные (полные) служебные минеи были скомпилированы и отчасти заново переведены на Руси. Выступивший в дискуссии по докладу А.М. Пентковский предложил, в отличие от сложившейся практики, печатать тексты разных редакций колонками, ибо если издавать текст одной редакции и подверстывать к нему тексты других редакций, то возникает феномен, в свое время метко названный Ф. Томсоном “кладбищем разночтений” (Variantenfriedhof).

Точку зрения В. Томиллери о самостоятельности (Eigenständigkeit) происхождения восточнославянской повседневной минеи в своем докладе поддержала и обосновала Д. Кристьянс (Германия). По ее мнению, в 12-титомных комплектах служебных миней южнославянское гимнографическое наследие почти не

представлено (за исключением некоторых последований [общим числом 8], для которых отсутствовали греческие оригиналы, – например, первоучителю Кириллу Философу, Аполлинарию Равеннскому, Эразму Формийскому и др.). Эти комплекты предназначались для монастырского богослужения, а характерный переводческий принцип, в отличие от южнославянских свободных переводов, был пословно-буквальным (wortgetreue Übersetzung). Затем из комплектов были сделаны сокращенные выборки для приходского употребления (т.е. в небольшой общине мирян); так возникли праздничные минеи. Выступивший в дискуссии К. Попов утверждал, однако, что восточнославянская минейная традиция все же зависит от южнославянской, и его поддержал Р.Н. Кривко, показавший, что повседневная Путятинна минея имеет множество языковых признаков, указывающих на славянский Юг. Отвечая им, Д. Кристьянс уточнила свои взгляды: повседневная минея возникла по восточнославянской инициативе, но не обязательно на Руси, – она могла готовиться на Афоне, и отсюда в нее проникли южнославянизмы.

“Начальную историю служебной минеи у славян” исследовал К. Станчев (Италия). Он уделил большое внимание вопросам терминологии. Говоря об Ильиной книге, докладчик подчеркнул, что этот (по его квалификации) “богослужебный сборник минейного вида” не был звеном в смене типов минейных книг, а продолжил свое самостоятельное бытие вплоть до XVI в. К. Станчев присоединился к мнению Попова и Кривко и утверждал, что повседневные минеи сложились у южных славян; при этом он сослался на разыскания К.А. Максимовича, согласно которым Путятинна минея – это памятник “древнеболгарского книжного языка”³. Докладчик указал даже эпоху, когда сложилась повседневная минея (типа Путятинной), а именно: в царствование болгарского царя Петра. К. Станчев критиковал также позицию (К. Ханника, Р. Тафта и автора этих строк), согласно которой на славянской почве имел место переход от одножанровых книг к многожанровым. Выступивший в дискуссии А.М. Пентковский обратил внимание на то, что среди сирийских находок 1975 г. был, наконец, найден и греческий тропологий (до этого известный, как тип литургической книги, лишь по грузинской версии), так что типология славянских литургических книг, содержащих каноны, не может более строиться без учета этого обстоятельства.

³ См. [Максимович 2003].

Н. Трунте (Германия) сделал доклад на тему “*Mónov, mónos, mónov*”. Переводческие проблемы на материале троичных Феодора Студита⁴. Он пришел к выводу, что славянские переводчики составляли богословски корректные тексты даже тогда, когда текст греческого оригинала был испорчен. В сопровождавших доклад раздаточных материалах (hand-out) читаем: древние переводчики “создали переводы, которые не только не хуже, чем современные, но иногда даже их превосходят”.

Н.С. Серегина (Россия) рассмотрела музыкально-ведческие вопросы “песнопений русским святым”.

В.А. Баранов (Россия) исследовал “Грамматические традиции и инновации в русских списках XI–XIV вв. древнеславянской майской служебной минеи”. Издатель Путятиной минеи⁵, докладчик на материале ряда списков рассмотрел явления: морфологической мены, грамматического архаизма, грамматической новации и отсутствия компонента синтагмы. Он, в частности, показал, что грамматические архаизмы удерживаются в рукописях XIV в. на фоне грамматических новаций, представленных в источниках предшествующих веков; стало быть, абсолютный возраст списка может противоречить его архаичности.

Р.Н. Кривко (Россия) рассмотрел “Язык и текст древнейших славянских служебных миней за август”. Он сначала рассмотрел графико-орфографические и фонологические признаки древнейшей рукописи (РГАДА, Тип. 125), а затем перешел к анализу особенностей текста с точки зрения противопоставления “охридских” и “преславских” лексем, в числе которых оказалась и лексическая пара **прапроѹда** – **ваграница**. Р.Н. Кривко констатировал отсутствие в Августовской минее моравского лексического пласта. В остальных частях своего доклада ученый подверг анализу некоторые особенности переводческой техники; морфологические признаки, позволяющие судить о времени перевода; новые слова и значения; редакции древнейшего перевода и, наконец, время появления второго перевода. Выступившая в дискуссии М. Йовчева (Болгария) заметила, что лексема **прапроѹда**, трижды представленная в Син.168 (плюс еще и отыменный глагол **опрпроѹдити**), – это не “охридское” слово, а отчетливый моравизм. Докладчик, судя по его ответу, согласился с этим мнением.

Г. Попов (Болгария), опираясь на Рождественский и Богоявленский каноны и используя наглядную методику “полилинейного”

представления материала, особо подчеркнул значение оригинальных гимнографических текстов, т. е. произведений, написанных прямо по-славянски, а не переведенных с греческого. Докладчик привел лексические варианты, характеризующие Преславскую редакцию богослужебных книг в отличие от Охридской. Влиятельный Преславский центр книжных реформ сложился в эпоху правления царя Петра, а затем традиции Преславской книжности были подхвачены и развиты на Афоне. Г. Попов много говорил и о Рождественском каноне Константина Преславского, представляющего собой переработку соответствующего греческого канона Иоанна Дамаскина. Докладчик настаивал на том, что минеи имеют “много-слойное происхождение”, когда в той же самой рукописи одни тексты отражают первую редакцию, а другие – вторую. По словам Г. Попова, многослойную природу имеют все рукописи, и он не видел ни одной, которая была бы от начала до конца гомогенна. Архаичная традиция надолго задержалась на Балканах – в отдаленных монастырях и небольших храмах. Выступивший в дискуссии Е.М. Верецагин подкрепил взгляды Г. Попова указанием на наличие парафрастических стихир в Ильиной книге (на лл. 89 и 89 об.). Отвечая, Г. Попов заметил, что Ильина книга – это вообще “начальный этап распространения болгарской книжности на Руси”; в рукописи действительно отчасти удержаны болгарские орфографические нормы. К этому взгляду присоединился и А.М. Пентковский.

С. Темчинас (Литва) сделал предметом своего рассмотрения одно из наиболее ранних произведений славянской гимнографии – службу на Успение Кирилла Философа. Это последование устойчиво считается оригинальным славянским произведением, но уже во 2-й половине XIX в. А.Д. Воронов высказал мнение, что оно переведено с греческого. С. Темчинас, исходя из этой гипотезы, решил сделать обратный перевод начальных слов каждого тропаря славянского канона на греческий язык в надежде, что обнаружится акростих. На всем протяжении канона акростих не выявился, но песни VI–VIII, по весьма вероятным данным ученого, дают протяжный (из четырех слогов!) атрибут Кирилла (в дательном падеже): **ΦΙΛΟΞΟΦΩ**. Обычный для акростихов глагол **ΜΕΛΠΩ** также читается (в песнях VIII–IX), но с гораздо меньшей уверенностью. Как считает С. Темчинас, одного слова **ΦΙΛΟΞΟΦΩ** достаточно, чтобы надежно признать переводной характер всего последования на Успение Кирилла. Доклад, естественно, вызвал большой интерес и сопровождался оживленным обсуждением. Правильность прочтения атрибута Ки

⁴ Правильнее было бы: *троичнов*.

⁵ См. издание [Путятина минея 2003].

рила, как можно судить по цифровой записи, никто не оспорил.

Д. Штерн (Германия) в докладе “В бедах скорый помощник⁶ Еразм в византийской и славянской гимнографии” рассмотрел фигуру святого, относительно хорошо известного в западной традиции. У православных Еразм Формийский (Кампанийский) известен меньше, но все же его почитают на Балканах с атрибутом *Охридский*. Имя Еразма внесено уже в месящеслов Ассеманиева евангелия. В славянской гимнографии последование Еразму имеется в повседневных минеях XII в. (Син. 167 и Соф. 206), но имя святого не имеет топографической привязки. Греческий оригинал пока не найден. Гимнографическое почитание Еразма к округе Охрида, по мнению Д. Штерна, восходит к XIII в. Таким образом, список древних святых с атрибутом *Охридский*, наряду с именами Климента и Наума, содержит и имя Еразма. Впрочем, ученый не склонен связывать богослужебное последование Еразму с гимнографическим кружком Климента и Наума. Выступивший в дискуссии Е.М. Верещагин подчеркнул актуальность разысканий Д. Штерна в свете исполняющегося в этом году 1100-летия основания Охридского монастыря св. Наума.

Т. Субботина-Голубович (Сербия) исследовала “Примечательные черты сербской средневековой гимнографии”.

М. Йовчева (Болгария), недавно выпустившая издание и исследование Солунского октоиха (конца XIII в.)⁷, сделала дальнейший шаг и рассмотрела реконструкцию состава и структуры древнеславянского Октоиха как типа богослужебной книги. Она выявила состав канонов на седмичное богослужение, привела схемы воскресной и будничной служб и указала седалны для недельной службы 7-го гласа. Панорамный доклад практически охватил основные греческие и почти все славянские источники, содержащие последования Октоиха.

Л. Матейко (Словакия) посвятил свой доклад редакциям ирмосов в восточно- и южнославянских минеях XI–XIV вв. Таких редакций на основании древних миней, в которых ирмосы выписаны полностью, выявилось две – (условно) древняя и новая. Любопытно, что древняя редакция встречается только в минеях, тогда как новая – как в минеях, так и в ирмологиях. Конечно, разночтения могут восходить к греческим оригиналам, но варьирование синонимичных славянских слов на месте одного греческого, скорее всего, свидетельствует

об инициальной славянской редактуре. Общее правило таково: если славянский текст отходит от греческого оригинала, то это примета древней редакции, а если приближен к нему, то это примета редакции новой. Впрочем, происхождение двух редакций – одинаково южнославянское, но древняя редакция может восходить если не прямо к трудам Мефодия (как думает К. Ханник), то по крайней мере к деятельности учеников первоучителей. Из пяти миней XI в. в четырех (три Ягичевы и Путятин) обе редакции прослеживаются четко, но в пятой (в Ильиной книге) представлена только одна редакция – древняя. Как сказал докладчик, “в этом отношении Ильина – уникальна и заслуживает особого внимания”. Вариативность иниципов ирмосов в четырех минеях (включая Путятину) объясняется тем, что у самостоятельно работавших переводчиков у каждого был свой ирмологий.

Завершая конференцию, свой доклад произнес Г. Ротэ (Германия) – патриарх германской палеославистики, чрезвычайно много сделавший для издания славянских гимнографических источников и ныне возглавляющий весьма продуктивный коллектив, занятый публикацией повседневных славянских миней. Маститый ученый говорил о богословской терминологии, представленной в богослужебных песнопениях. Исследуя “теологическую типологию”, Г. Ротэ на обширнейшем фактическом материале рассмотрел два понятийных поля: первое состоит из совокупности средств выражения идеи “понимания” (разума, знания), второе – идеи “отображения (про)образа” (*τύπος, σύμβολον*). Ученый указал на недостаточность одного лишь лингвистического толкования литургических текстов и призвал шире практиковать богословскую интерпретацию. Как сказано в раздаточном материале, при исследовании гимнографии “критика текста (текстология) без богословия – это противоречие само по себе”. Г. Ротэ привел аналогии: древние юридические тексты не могут быть правильно поняты без экспертизы юриста. Там же отмечено, что если использовать метод теологической интерпретации этих и других полей, то “мы будем знать больше о духовном мире Руси, чем теперь”. Мысль о важности, наряду с лингвистическим и филологическим, богословского анализа славянской гимнографии подкрепил в дискуссии Г. Попов. По докладу высказались также Г. Кайперт, Е.М. Верещагин, К. Ханник и А.М. Молдован.

Доклады конференции будут опубликованы в Германии.

Участники заседаний приняли решение создать комиссию из представителей 3–4 стран, которая должна будет составить перечень

⁶ Nothelfer.

⁷ См. [Йовчева 2004].

дальнейших научных проблем, первоочередных и существенных для древнейшей славянской гимнографии. Кроме того, принято решение рассмотреть возможность созыва следующей аналогичной конференции.

В заключение со словами благодарности к организаторам конференции обратился А.М. Молдован (Россия). По его мнению, конференция прошла весьма успешно. Он поддержал мысль Г. Ротэ о необходимости продолжения научного диалога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ильина книга 2005 – Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. 131 / Лингвистическое издание, подготовка греческого текста, коммен-

тарии, словоуказатели В.Б. Крысько. М., 2005.

Путятин минея 2003 – Новгородская служебная минея на май. XI век. (Путятин минея). Текст. Исследования. Указатели / Изд. подготовили В.А. Баранов, В.М. Марков. Ижевск, 2003.

Йовчева 2004 – М. Йовчева. Солунският октоих в контекста на южнославянските октоихи до XIV в. // Кирило-Методиевски студии. Кн. 16. София, 2004.

Максимович 2003 – К.А. Максимович. Служебная майская минея как памятник древнеболгарского книжного языка // Славяноведение. 2003. № 6.

Е.М. Верецагин (Москва)